

Научная статья
УДК 343.985.1
EDN RIGOMM
DOI 10.17150/2411-6122.2022.2.41-50



Криминалистически значимые особенности субъектов хищений, совершенных с использованием дистанционных технологий

О.В. Айвазова¹, Г.А. Варданян², Е.А. Шкуринский¹

¹ Ростовский юридический институт МВД России, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Автор, отвечающий за переписку: Айвазова О.В., olgavladislavovna72@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты научного анализа личностных качеств субъектов хищений, совершенных с применением дистанционных технологий. Опираясь на доктринальные положения криминалистической теории изучения лиц, совершивших преступления и в контексте учения о криминалистической характеристике преступлений, на основе сформированной эмпирической базы, разработан криминалистический портрет типичных качеств лиц, осужденных за указанные виды хищений, использование которого перспективно с точки зрения оптимизации организации и непосредственного расследования аналогичных посягательств. В работе делается вывод о том, что организованные и серийные формы совершения дистанционных хищений денежных средств граждан зачастую продолжают оставаться вне сферы воздействия правоохранительных органов, а также выражаются рекомендации по преодолению данного негативного явления.

Ключевые слова: банковские карты; банковские счета; дистанционные технологии; денежные средства; хищения; субъекты преступления; криминалистическая характеристика преступлений; криминалистически значимые особенности; лицо, совершившее преступление.

Для цитирования: Айвазова О.В. Криминалистически значимые особенности субъектов хищений, совершенных с использованием дистанционных технологий / О.В. Айвазова, Г.А. Варданян, Е.А. Шкуринский. — DOI 10.17150/2411-6122.2022.2.41-50 — EDN RIGOMM // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2022. — № 2. — С. 41–50.

Original article

Forensically Relevant Features of People Who Committed Crimes with the Use of Distance Technologies

O.V. Aivazova¹, G.A. Vardanyan², E.A. Shkurinsky¹

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation

² South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, the Russian Federation

Corresponding author: Aivazova O.V., olgavladislavovna72@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of researching the personality traits of perpetrators who committed thefts with the use of distance technologies. The

authors use the doctrinal clauses of the forensic theory of studying persons who committed crimes, the theory of the forensic description of crimes and the empirical basis to design a forensic portrait comprising typical features of persons prosecuted for such thefts, which could be useful for optimizing the organization and the process of investigating similar infringements. It is concluded that the organized and serial forms of committing distance thefts of monetary funds of citizens still often remain outside the scope of law enforcement, and the recommendations for overcoming this negative phenomenon are presented.

Keywords: bank cards, bank accounts, distance technologies, monetary funds, theft, crime committer, forensic description of crimes, forensically relevant features, person who committed a crime.

For citation: Aivazova O.V., Vardanyan G.A., Shkurinsky E.A. Forensically Relevant Features of People Who Committed Crimes with the Use of Distance Technologies. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2022, no. 2, pp. 41–50. (In Russian). EDN: RIGOMM. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.2.41-50.

Одним из ключевых элементов универсального предмета доказывания, регламентированного ст. 73 УПК РФ, является требование об установлении виновности в совершении преступления конкретного лица или лиц, в сочетании с определением формы вины и движимых мотивов. Данный императив согласуется с провозглашенным уголовным законом Российской Федерации (ст. 5 УК РФ) принципом вины, согласно которому лицо подлежит уголовной ответственности только за те посягательства, за которые установлена его вина, и не допускается привлечение к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда.

Указанные нормативные положения актуализируют потребность в формировании концептуальных (общетеоретических) суждений, тактико-криминалистических и методико-криминалистических рекомендаций, направленных на изучение типичных личностных особенностей субъектов, совершивших преступление [1, с. 244–251], [2, с. 164–165].

На концептуальном уровне (в рамках общей теории и методологии криминалистики) разработаны базовые положения, образующие криминалистические аспекты изучения лиц, совершивших

преступления [3; 4], где существенное внимание уделяется социально-демографическим (возрастным, гендерным и пр.), психологическим, профессиональным, и иным значимым для расследования качествам преступников. Традиционно исследуются такие факторы, как обладание указанными лицами преступным опытом, орудиями и средствами совершения преступлений, а равно специальными техническими, технологическими, экономическими и прочими знаниями, умениями, навыками; специфика совершения преступных посягательств единолично либо в соучастии, в том числе в составе коллективных образований различных форм криминальной общности, включая организованные формы; факт совершения посягательств одновременно либо серийно и пр.

В рамках частных криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений [5; 6; 7, с. 23–35] и криминалистической характеристики преступлений как одного из базовых элементов частных криминалистических методик [8; 9] представляющего собой систематизированное отражение ранее познанного механизма соответствующих посягательств [10, с. 44; 11, с. 210–214], названные крите-

рии конкретизируются далее и наполняются специфическим содержанием. Исходя из уголовно-правовых признаков общего или специального субъекта, предусмотренных соответствующей уголовно-правовой нормой или группой норм Особенной части УК РФ, криминализирующих то или иное деяние и выступающих объектом для разработки частных криминалистических методик, с учетом ранее обозначенных критериев научного изучения личности субъектов преступлений, и на основе обобщения репрезентативной совокупности эмпирических источников, характеризующих следственно-судебную практику, формируется криминалистическая характеристика данных лиц, нередко именуемая в специальной литературе также как криминалистический портрет (психолого-криминалистический портрет, психологический профиль и т.д.) типичного преступника [12, с. 104–105].

Кроме того, значимость разработки криминалистического портрета субъектов, совершивших преступления определенной категории, с использованием доктринальных положений учения о криминалистической характеристике преступлений усиливается тем, что в данном ключе типичные слагаемые личности анализируются не столько как таковые (как сами по себе, или как данность), сколько в сочетании с иными элементами криминалистической характеристики преступления, с учетом системного характера данной научной абстракции, наличия корреляционных взаимосвязей между ее элементами. Так, зачастую присутствуют особые взаимозависимости: между личностными особенностями субъектов деяний и потерпевших (аспекты криминалистической виктимологии, обуславливающие зачастую далеко не случайный выбор жертвы, пусть и не всегда в полной мере

осознаваемый ни жертвой, ни злоумышленником); между субъектами преступления и реализуемыми ими способами посягательства, используемыми орудиями и средствами совершения деяния; между субъектами преступления и пространственно-временными факторами, в пределах которых они осуществляют свою деятельность на предкриминальном, непосредственно криминальном и посткриминальном этапах, отображаемую в специфических следах и т.д.

С учетом данного научного инструментария обратимся к исследованию криминалистически значимых особенностей хищений, совершенных с применением дистанционных технологий. Однако прежде уточним, что в рамках настоящей работы под указанными видами хищений нами понимаются следующие преступления: — кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ); — мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); — мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ). Несмотря на расположение указанных деяний в различных нормах Особенной части УК РФ, их объединяет не только то, что все они относятся к хищениям, совершенным либо тайно, либо с применением обмана или злоупотребления доверием (т.е. относятся к так называемым ненасильственным разновидностям хищений), но и совершаются группой сходных способов, в основе которых — реализация компьютерных технологий, — с сочетанием с элементами методов социальной инженерии либо без таковых, но, как правило, при отсутствии непосредственного физического контакта злоумышленника

как с жертвой, так и с местом хранения принадлежащих ему денежных средств, находящихся на банковском счете (банковской карте, электронном кошельке, мобильном счете). При этом, под местом совершения деяний, в части финансовых организаций (наряду с иными типичными местами указанных посягательств), в данном случае условно понимается место нахождения (адрес) организации, где открыт соответствующий счет, несмотря на то, что физически жертва могла вносить денежные средства, а злоумышленник снять либо перевести эти средства в регионах, взаимно географически удаленных.

Таким образом, стремительное развитие новых электронных технологий, их повсеместное внедрение во все сферы общества, включая гражданско-правовые отношения между финансовыми организациями и клиентами, в рамках обслуживания банковских счетов, а также сопровождения различных возмездных сделок, привлекло в данную сферу и криминалитет, быстро адаптировавшийся к модернизирующимся социально-экономическим условиям [13, с. 785–794]. Обладая определенными криминалистически значимыми чертами, присущими субъектам так называемых классических форм совершения мошенничества, в том числе мошенничества в сфере экономической деятельности [14] (а именно психологическая гибкость, довольно широкий кругозор, большой словарный запас, достаточная компетентность (в частности, в сфере организации банковского обслуживания клиентов и т.п.), умение построить беседу, вызвать интерес у собеседника, побудить его на совершение выгодных злоумышленникам поступков (не без элементов манипулирования), субъекты хищений с использованием дистанционных технологий, при наличии так

называемых «преемственности» обозначенных выше качеств, вместе с тем, не лишены и специфических особенностей, присущих именно рассматриваемому виду хищений.

Итак, субъекты хищений, совершенных с использованием дистанционных технологий, с точки зрения гендерного аспекта, в целом, соответствуют тенденциям экономической, а не общеуголовной преступности: деяния совершены мужчинами в 71,8 % случаев, женщинами — в 28,2 % случаев.

С точки зрения наличия полноценной семьи как социального фактора, зачастую оказывающего стабилизирующее воздействие на личность (сдерживающего, при отсутствии иных негативных условий, лица от совершения противоправных деяний), находились в официальных брачных отношениях 31,2 % субъектов хищений; 14,2 % лиц состояли в гражданском браке. Соответственно, 54,6 % субъектов не имели реализации в аспекте семейных отношений. При этом у значительной части по отношению ко всем осужденным имелись обязательства по воспитанию находящихся на иждивении несовершеннолетних детей, а также по заботе за престарелыми родителями, что, правда не исключало пристрастие к алкоголю ряда субъектов (16,3 %). Исследуя документы, характеризующие личность осужденных за дистанционные хищения, мы обратили внимание, что подавляющее их большинство характеризуется удовлетворительно (последственно) — 65,6 %. Отрицательная характеристика была дана 17,7 % лиц, положительная — 16,7 %.

Не вполне реализованы оказывались внутренние запросы анализируемых субъектов и в аспекте трудовой деятельности. Абсолютное большинство осужденных не имело официального

трудоустройства — 41,2 %. Занимались низкоквалифицированным физическим трудом, в том числе, перебиваясь временными заработками — 23,1 %. Лицами, которым по роду своей работы или иной деятельности приходится постоянно взаимодействовать с другими людьми (в том числе совершающими виктимные действия, по причине как недостаточной социальной защищенности, так и излишней доверчивости) совершается 13,6 % дистанционных хищений. Субъектами, которым доступ к персональным данным владельцев банковских счетов открыт исключительно в связи с выполнением служебных обязанностей в сфере банковского обслуживания, совершено 10,1 % хищений. Пенсионерами совершено 5,2 % деяний. Остальными категориями лиц совершено 6,8 % дистанционных хищений.

Что касается образовательного уровня субъектов этих деяний, необходимо отметить доминирование лиц со средним общим либо средним специальным образованием — 71,2 %. Казалось бы, совершение анализируемых посягательств сопровождается применением электронных технологий, с помощью которых обеспечивается незаконное проникновение с использованием чужих персональных данных к информации, содержащей банковскую тайну. Тем не менее, современные банковские карты (пластиковые или виртуальные), а также иные средства платежа, в силу их доступности и унификации характеризуются достаточной простотой использования даже для рядовых граждан, не требуя глубоких специальных знаний в области высоких технологий.

Вместе с тем, очевидна коррелятивная зависимость образовательного уровня субъектов преступления от выбираемых ими способов преступного посягательства (технологической

сложности непосредственного совершения деяния, наличия и объема действий по приготовлению или сокрытию посягательства).

Лицам, имеющим общее или среднее специальное образование, присущ примитивный характер действий. Нередко непосредственно хищение носит элементы спонтанности, в виде попыток совершить покупки различных товаров или услуг (часто — серийных, но при этом на незначительные суммы, до тех пор, пока карта не будет заблокирована либо не потрачены имеющиеся на счете денежные средства, при этом — избегая процедуры дополнительной авторизации с помощью пин-кода или других мер) с использованием чужой банковской карты, оказавшейся в свободном доступе либо похищенной у потерпевшего в силу допущения последним элементов виктимного поведения, недооценки реальной ситуации, проявления излишней доверчивости. При этом сводятся к минимуму мероприятия по приготовлению и сокрытию преступления. Приготовление может ограничиваться выбором торговой или финансовой организации, используемой в качестве инструмента получения материальных благ (в виде обналиченных денег, приобретенных по чужой карте товаров), обстановка которой минимизирует, по субъективному мнению похитителей, вероятность их разоблачения.

Если хищение совершено группой лиц или организованной группой, то таким соучастникам поручаются соответствующие обязанности, не требующие значительно квалификации, например, в виде снятия наличных денежных средств с банковских карт, на счета которых они были предварительно переведены в порядке сокрытия преступления. Так, например, участник

организованной группы, в обязанности которого входило снятие ранее похищенных денежных средств с помощью использования банковских карт, зарегистрированных на имя подставных лиц, через терминалы банкоматов, не учел осуществление скрытого видеонаблюдения в данном помещении как средства обеспечения безопасности работы систем банковского обслуживания. Тем не менее, уполномоченного сотрудника банка насторожил факт одновременного использования этим лицом многочисленных банковских карт, на каждой из которых были даже нанесены для удобства пин-коды, причем сами карты хранились субъектом в обыкновенном полиэтиленовом пакете, что не свойственно законопослушным держателям карт. Принятие безотлагательных мер реагирования позволило не только задержать данное лицо, но и впоследствии установить причастность иных соучастников к серийной организованной деятельности¹.

Если субъект преступления и потерпевший знакомы друг с другом и состоят в различных социально значимых отношениях (семейно-родственных, приятельских, личных, трудовых, корпоративных, либо относятся к единому контингенту, пребывающему в ограниченных пространственных условиях, например, в лечебно-профилактических заведениях, учреждениях социальной защиты населения и пр.), то злоумышленники нередко предпринимают основанные на злоупотреблении доверием меры по выяснению реквизитов банковского счета, а также пин-кода карты, «привязанного» к карте контактного номера (в сочетании с кратковременной сменой номера либо получения

доступа к самому смартфону) и иных средств авторизации.

Лицам, имеющим высшее образование, присущ более избирательный и изощренный подход на этапе приготовления, совершения и сокрытия преступлений, с использованием различных многокомпонентных схем по обналичиванию чужих денежных средств. В составе организованных групп эти лица зачастую выполняют роль организаторов или интеллектуальных лидеров, разрабатывающих новые способы и приемы совершения дистанционных хищений: от моделирования ситуаций психологического манипулирования с применением методов социальной инженерии до создания вредоносного программного обеспечения, фишинговых сайтов и т.п.

Исходя из обобщения официальных эмпирических источников в виде изученных уголовных дел, на первый взгляд создается впечатление, что в подавляющем большинстве случаев деяние совершается лицом в одиночку с применением простых, так называемых бытовых способов (чаще всего — путем использования оказавшейся в свободном доступе или похищенной чужой пластиковой банковской карты для оплаты покупки продуктов питания или приобретения иных необходимых в обиходе предметов и пр.) — 81,2 %.

Однако указанные внешне наиболее распространенные так называемые «бытовые» способы дистанционных хищений, совершаемых в условиях очевидности, на деле представляет собой лишь «верхушку айсберга». К сожалению, случаи разоблачения организованных групп, серийно и на профессиональном уровне, с помощью применения специальных психологических и/или электронных технологий осуществляющих дистанционные хищения денеж-

¹ Уголовное дело № 1-25/2019 // Советский районный суд г. Томска. URL: <http://sovetsky.tms.sudrf.ru/>

ных средств, все еще являются достаточно редким явлением. Во-первых, зачастую пострадавшие лица, не веря в возможности правоохранительных органов, либо, испытывая чувство стыда вследствие излишней доверчивости и недостаточной осмотрительности и внимательности, а то и безрассудности, отказываются от сообщения о преступлении. Во-вторых, до сих пор продолжают иметь место быть случаи отказа в возбуждении уголовных дел (а иногда даже и отказа в приеме заявлений) со стороны сотрудников правоохранительных органов, мотивированные указанными выше опрометчивыми действиями потерпевших. В-третьих, даже в случае возбуждения уголовных дел по преступлениям указанной категории, из материалов которых прослеживается причастность организованных групп, преступления нередко так и остаются нераскрытыми, а предварительное расследование по уголовным делам приходится приостанавливать в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Редкость выявления организованных форм дистанционных хищений денежных средств объясняется принятием членами формирований комплекса мер конспиративного характера на протяжении всего процесса противоправной деятельности (включая не только посткриминальный, но и докриминальный период), в сочетании со сплоченностью, нацеленностью соучастников на общий преступный результат. Как показывают эмпирические материалы, организованным группам, специализирующимся на дистанционных формах хищений денежных средств, присущи следующие черты: — наличие у данного формирования структуры, обусловленной распределением полномочий между соучастниками и их специализацией; — постоянство состава (лиц, специально

объединившихся для совершения данных деяний); — наличие субъектов, правомочных давать другим соучастникам обязательные для исполнения указания и поручения, контролировать своевременность и качество их выполнения; — согласованность действий соучастников, проявляющаяся в регулярности их контактов между собой, отчетности исполнителей перед лицами, осуществляющими руководящие функции; — наличие системы штрафов и иных форм порицания; — наличие лиц, осуществляющих организационные и координирующие функции, разработку планов совершения конкретных эпизодов деяний; — наличие лиц, выступающих своеобразными идеологами, интеллектуальными лидерами: разрабатывающих технологии, основанные на психологическом манипулировании сознанием жертвы; создающих специальное программное обеспечение и/или оборудование, позволяющее незаконно обеспечивать доступ к банковским счетам; разрабатывающих меры, направленные на минимизацию разоблачения и т.д.; — наличие специализации («преступного почерка») у самой группы, систематически осуществляющей, например, рассылку фишинговых смс-сообщений либо писем на электронную почту, обзвон потенциальных жертв с сообщением дезинформации, обман с использованием функции «Авито-доставка» и пр.

В то же время, пусть и небольшой опыт следственно-судебной практики выявления и изобличения организованных и серийных хищений, совершенных с помощью дистанционных технологий, свидетельствует о реальности постепенного преодоления данного деструктивного явления.

В данном контексте целесообразно соответствующим образом строить

организационно-тактическую деятельность в ходе раскрытия и расследования указанных разновидностей хищений: — при наличии даже отдельных характерных признаков причастности к деянию организованных формирований формировать и тщательно проверять частные следственные версии; — осуществлять мониторинг сети Интернет, а также социальных сайтов, обладающих «виктимной привлекательностью» для злоумышленников; — при выявлении лиц, предположительно выполняющих низкоквалифицированные функции в составе организованных групп, осуществлять наблюдение и иные оперативно-розыскные мероприятия, а также следственные действия, сочетающие в себе элементы внезапности и негласности (контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами; обыск с целью обнаружения скрываемых лиц) направленные на установление иных соучастников, а также характера и специфики взаимоотношений членов формирования; — в процессе производства следственных действий

вербального (допрос, очная ставка), материально-фиксированного (осмотр места происшествия, осмотр документов и предметов, выемка, обыск), а также комплексного характера (предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте), наряду с разрешением прочих задач, выявлять и анализировать факты и обстоятельства, указывающие на организованный и серийный характер преступной деятельности; — более активно обращаться к потенциалу судебно-психологической экспертизы — в части установления истинных (скрываемых) взаимоотношений между соучастниками и их роли в составе организованного формирования; наличия в деятельности злоумышленников признаков манипулятивного воздействия; а также к потенциалу компьютерно-технических экспертиз, в том числе радиотехнической экспертизы — в части исследования технических средств, применяемых злоумышленниками для негласного получения конфиденциальной информации относительно персональных данных банковских карт (банковских счетов).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции / А.В. Варданян. — DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251. — EDN WKESH // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 244–251.
2. Фойгель Е.И. Человек как криминалистическая категория: понятие и признаки / Е.И. Фойгель. — EDN XDQVJ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. — Иркутск, 2016. — Вып. 7. — С. 164–173.
3. Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. — Москва : Юрист, 1996. — 336 с.
4. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Понятие, предмет и методика изучения / Н.Т. Ведерников. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. — 174 с.
5. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника / Р.Л. Ахмедшин. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. — 210 с. — EDN SCCBWJ.
6. Мальхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.12 / Н.И. Мальхина. — Саратов, 2017. — 403 с.
7. Варданян А.В. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений / А.В. Варданян, О.П. Грибунов. — EDN ZBAXHN // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — № 2 (81). — С. 23–35.

8. Коновалов С.И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики / С.И. Коновалов. — Ростов-на-Дону, 2010. — 157 с. — EDN QSBEAF.
9. Фойгель Е.И. Криминалистическое изучение личности в этноориентированном дискурсе / Е.И. Фойгель. — EDN LfZOLG // Юрист-Правовед. — 2021. — № 1 (96). — С. 176–183.
10. Головин А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений как категория современной криминалистики / А.Ю. Головин. — EDN PZZUKT // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2012. — Вып. 1-2. — С. 43–55.
11. Коновалов С.И. Соотношение криминалистической характеристики и механизма преступления по делам о преступных нарушениях требований пожарной безопасности / С.И. Коновалов, Ю.А. Бондаренко. — EDN OYKPDx // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 8. — С. 210–214.
12. Ахмедшин Р.Л. О доказательственном статусе заключения о психологическом профиле неизвестного преступника / Р.Л. Ахмедшин. — EDN OZORXB // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 359. — С. 104–105.
13. Варданыан А.В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А.В. Варданыан, А.С. Андреев. — DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794. — EDN YYSTWP // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 6. — С. 785–794.
14. Варданыан А.В. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость / А.В. Варданыан, В.А. Антонов, В.С. Белохребтов. — Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2016. — 112 с.

REFERENCES

1. Vardanyan A.V. The subject of crime and the personality of a criminal as interdisciplinary categories in criminal law sciences: issues of correlation and integration. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 244–251. (In Russian). EDN WKESH. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).244-251.
2. Foygel E.I. Human as a Criminalistic Category: the Concept and Characters. *Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow*. Irkutsk, 2016, vol. 7, pp. 164–173. (In Russian). EDN: XDObTJ.
3. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psychology of a Criminal and Crime Investigation*. Moscow, Yurist Publ., 1996. 336 p.
4. Vedernikov N.T. *The personality of the accused and the defendant. The concept, object and methodology of research*. Tomsk State University Publ., 1978. 174 p.
5. Akhmedshin R.L. *Criminalistic Characteristics of Offender's Character*. Tomsk State University Publ., 2005. 210 p. EDN: SCCBWJ.
6. Malyhina N.I. *The criminalistic theory of a person who committed a crime. Doct. Diss.* Saratov, 2017. 403 p.
7. Vardanyan A.V., Gribunov O.P. The Modern Doctrine of Methodical-Criminalistic Support of an Investigation of Certain Types of Crimes. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2017, no. 2, pp. 23–35. (In Russian). EDN: ZBAXHN.
8. Kononov S.I. *Topical Problems of the Theory and Methodology of Criminalistics*. Rostov-on-Don, 2010. 157 p. EDN QSBEAF.
9. Foygel E.I. Criminalistic Study of Personality in Ethno-Oriented Discourse. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2021, no. 1, pp. 176–183. (In Russian). EDN: LFZOLG.
10. Golovin A.Y. Forensic Characteristics of Crime as a Category of Modern Criminalistics. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2012, vol. 1-2, pp. 43–55. (In Russian). EDN: PZZUKT.
11. Kononov S.I., Bondarenko Y.A. Correlation of Forensic Characteristics and Mechanism of Crime on Affairs about Criminal Infringements of Requirements of Fire Safety. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 8, pp. 210–214. (In Russian). EDN: OYKPDx.

12. Akhmedshin R.L. On Evidentiary Status of Conclusion on Unknown Criminal's Psychological Profile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2012, no. 359, pp. 104–105. (In Russian). EDN: OZORXB.

13. Vardanyan A. V., Andreev A. S. Unmanned Aerial Vehicles as a Segment of Digital Technologies in the Criminal and Post-Criminal Reality. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 785–794. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794. EDN: YYSTWP.

14. Vardanyan A.V., Antonov V.A., Belokhrebtev V.S. *Specific Features of the Identification, Detection and Initial Investigation of Attempted Fraud during the VAT Refund*. Irkutsk, East Siberia Institute of the Russian Internal Affairs Ministry Publ., 2016. 112 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Айвазова Ольга Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, olgavladislavovna72@rambler.ru.

Варданян Галина Акоповна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, avardanyan@yandex.ru.

Шкуринский Евгений Александрович — адъюнкт, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 20301103@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Aivazova — Ph.D. in Law, Professor, Department of Criminalistics and Operative Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation, olgavladislavovna72@rambler.ru.

Galina A. Vardanyan — Ph.D. in Law, Senior Instructor, Department of Procedural Law, South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, the Russian Federation, avardanyan@yandex.ru.

Evgeny A. Shkurinsky — Adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation, 20301103@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 11.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.04.2022

Принята к публикации / Accepted 27.05.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 04.07.2022